

Глава первая,

*оповещающая о том, что труба
опять зовет: в поход, в поход!*

Канун Нового года выдался слякотным, дождливым, беспросветным. Зато первого января, выглянув в окно, Быков увидел, что там белым-бело. На душе стало празднично и светло.

На цыпочках, чтобы не разбудить маму, он прокрался в кухню, вооружился подносом и принялся собирать себе праздничный завтрак, состоящий из всевозможных салатов, солений, соусов и внушительного ломтя домашней буженины. Сладкое на подносе не поместилось. Решив позже сделать вторую ходку, Быков направился в гостиную, где и был перехвачен мамой.

— Доброе утро, Димочка, — сказала она. — С Новым годом, с новым счастьем!

Мама покосилась на поднос, и ее взгляд показался Быкову многозначительным. Накануне, угостившись поочередно водочкой, шампанским и ликером, он заявил, что с завтрашнего дня начинает худеть и заниматься спортом. Такое решение было принято после того, как Дмитрий Быков осознал: за последние три месяца он заметно поправился (а все потому, что давно не отправлялся в путешествия). На него из зеркала смотрел эдакий располневший д'Артаньян с жесткими непокорными кудрями, ясными серыми глазами и лихими усами на круглом лице. За время домоседства румянец сменился аристократической бледностью. Из-за этого Быков казался себе еще полнее, и это его раздражало. Почему бы в новом году не сбросить лишние килограммы?

И действительно — почему?

— Продукты могут испортиться. — Быков приподнял поднос. — Жалко.

— Не беспокойся, — сказала Лия Артамоновна, — с сегодняшнего дня обещают резкое похолодание. Все прекрасно сохранится на лоджии.

Быков подошел к столу и принялся переставлять на него с подноса остатки праздничного пиршества.

— Кажется, многовато взял, — произнес Дмитрий, как бы размышляя вслух. — С моей комплекцией нельзя расслабляться.

— Ты прекрасно выглядишь, — успокоила его Лия Артамоновна.

Она, как всякая любящая мать, была склонна к преувеличениям.

— Поднакопился жирок, — самокритично высказался Быков. — Ну ничего, сразу после праздников возьмусь за себя. Спорт, диета... гм...

Вспомнив, что вчера он это уже говорил, Быков кашлянул и уселся за стол. Мать присоединилась к нему со своей тарелочкой, на которой уместился ее завтрак.

Поев и посмотрев по телевизору дурацкое новогоднее шоу, мать и сын отправились каждый в свою комнату.

Несколько лет назад, после того как скончался Быков-старший, их трехкомнатная квартира была четко разделена на сферы влияния. Кухня и опустевшая супружеская спальня считались теперь маминой территорией. В гостиной Дмитрий и Лия Артамоновна собирались для совместных трапез и посиделок. Отцовский кабинет с книжными шкафами, африканскими масками, океанскими раковинами и прочими сувенирами из дальних стран стал комнатой Дмитрия Быкова. Здесь же он и спал на старомодном кожаном диване с несурово высокой спинкой и гладкими круглыми валиками.

Вообще-то отец Дмитрия был профессором медицины и никогда не ездил дальше Болгарии. Тем не менее в нем

жила неистребимая страсть к дальним странствиям. Зная об этом, пациенты старались порадовать его диковинками вроде засушенной игуаны или африканского ассагая¹. В конце концов профессорский кабинет принял такой вид, как будто принадлежал заядлому путешественнику. В детстве Дима Быков часами просиживал у глобуса, отыскивая места, где ему хотелось бы побывать, а годы спустя, когда он стал профессиональным фотографом, воображаемые путешествия стали реальными.

Как в старые добрые времена, когда ему хотелось отдохнуть, Быков взял с полки серый том «Библиотеки приключений». Это был роман Хаггарда о трех друзьях, путешествующих по Африке в поисках легендарных копей царя Соломона. Местами наивный, но все равно очень познавательный и, главное, интересный.

Быков не отрываясь читал минут сорок, пока в кабинет не постучалась Лия Артамоновна.

— Входи! — крикнул он, усаживаясь и сбрасывая плед.

— Если ты хочешь отдохнуть, я не стану тебе мешать...

— Глупости, входи. Я в последнее время только и делаю, что отдыхаю.

Мать вошла и опустилась в кресло, представлявшее собой ополовиненную копию любимого быковского дивана.

— Все как при Левочке, — произнесла она, оглядывая комнату с таким выражением, как будто это был храм. — Знаешь, Дима, всякий раз, когда я сюда захожу, мне кажется, что твой папа жив. Вы с ним похожи как две капли воды...

— Ты часто это говоришь, — кивнул Быков. — У тебя ко мне какое-то дело, да?

Он зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью.

— Да, — ответила мать. — Нам надо поговорить.

— О чем?

¹ Ассагай — метательное копьё с железным наконечником. (Здесь и далее примеч. ред.)

«Неужели она заметила, что я опять начал покуривать?» — пронеслось в голове у Быкова.

Вредная привычка еще не приклеилась к нему намертво, но в нижнем ящике письменного стола хранились трубка и пачка крепкого табака «Черный капитан». Пока что Быкову удавалось ограничиваться одной трубочкой в день, однако сдерживать себя становилось все труднее. Особенно после плотной трапезы или обильных возлияний. Вот и сейчас захотелось, когда мама уйдет, подымить у окна. Потом можно будет хорошенько проветрить комнату...

Рассердившись на себя за эти мысли, Быков забросил ногу на ногу и вопросительно посмотрел на мать.

— У меня к тебе просьба, Дима. Извини, что беспокою тебя...

Лия Артамоновна отличалась невероятной, почти сверхъестественной деликатностью. Она бы, наверное, и во время апокалипсиса не перестала извиняться за то, что причиняет неудобства окружающим. Правда, когда нужно было отстаивать чужие интересы, эта маленькая женщина становилась отважной, решительной и непреклонной.

— Все в порядке, мама, — сказал Быков. — Продолжай, пожалуйста.

— Ты ведь у меня известный фотограф, Дима...

— Ну уж, известный!

Впрочем, Лия Артамоновна была права. Лучшие работы Быкова публиковали в мировых периодических изданиях, в том числе и в журнале «Нэшнл джиографик». Корифеем Быков пока не стал, но уверенно приближался к вершине мастерства. В настоящий момент он входил в двадцатку лучших фотографов, специализирующихся на снимках дикой природы.

Такому стремительному взлету способствовали недавние приключения Быкова в Южной Америке, после того как в Британии вышла книга под названием «Затерянные в джунглях». Дмитрий и автор книги, журналистка Морин Клайв, прини-

мали участие в экспедиции по спасению экипажа воздушного шара, потерпевшего крушение в джунглях Парагвая. Собственно, они являлись единственными участниками этой славной экспедиции. Дмитрий и Морин близко сошлись за это время... так близко, что расстаться с девушкой оказалось для Быкова делом не менее трудным, чем сам поход.

Лия Артамоновна, не подозревавшая, о чем думает ее сын, перешла к главному:

— Ты ведь помнишь Михаила Иосифовича, Дима?

Еще бы не помнить! Михаил Иосифович Балтер, старый друг отца Дмитрия, был профессором биологии, но походил скорее на красиво состарившегося артиста или режиссера: безупречно отутюженные брюки, пиджак из рыжей замши, темная водолазка. Отец и покойный Лев Николаевич были очень близки. Порой они спорили и даже ссорились, но стоило одному из них заболеть или столкнуться с трудностями, как другой, забывая старые обиды, тут же оказывался рядом.

Когда Быкова-старшего не стало, Балтер продолжал поддерживать приятельские отношения с Лией Артамоновной, а однажды втянул Дмитрия в опасную авантюру, убедив его отправиться в Австралию, чтобы заснять там мифическое чудовище под названием буньип. Никакого буньипа они не нашли, зато пережили множество опасных приключений, при воспоминании о которых у Быкова и сейчас мурашки пробегали по телу.

— Ну что ты, мама! — ответил Дмитрий. — Разве можно забыть милейшего Михаила Иосифовича?

— Ты прав, он очень яркий человек, — кивнула Лия Артамоновна. — Такой одаренный и такой... такой неприспособленный.

— Да-да. Рассеянный до невозможности.

— И не говори, Дима. Такие люди нуждаются в опеке.

Быков внимательно посмотрел на мать, сообразив, к чему она клонит.